

МУДРЫЙ КАМЕНЬ

ДЕРЕВНЯ ПОПОВКИ

Мой сын Ярослав, наконец – то осуществил свою мечту и купил настоящий деревенский дом, куда и повез меня, чтобы выслушать моё материнское мнение.

До деревни Поповки, что в Некрасовском районе, ехали мы долго. Тридцать километров по трассе Ярославль – Кострома, а потом ещё семь километров по ухабам и колдобинам едва заметного пути, обозначенного плутанием по полям сельского тяглового транспорта.

- Мам, ты чего молчишь?- неуверенно спросил Ярослав, видя, как сами собой сдвигаются мои брови на переносице.

- Понимаешь, сынок, если бы я покупала дом, то, выбрала бы поближе к дороге.

- Мам, да мне и хотелось подальше от города, от людей, поближе к природе, к лесу, - загорячился Ярослав.

- Ну, хозяин – барин, - развела я руками.

Мы въехали в деревню, где стояли всего-то пять старых, деревянных приземистых домов.

Дом Ярослава в центре деревни оказался довольно крепким строением. Бывший хозяин, старый офицер запаса, имел хорошие руки. В доме, как положено, была светлая горница, летняя веранда, просторные сени, крытый двор, и самое главное, в кухне высилась огромная, русская печь со сводчатым потолком, с широким подом, и округлой жестяной заслонкой.

Я застыла на месте и залюбовалась такой красотой. Воспоминания детства нахлынули на меня и какая-то умиротворенность, и нечаянная радость овладели моим существом.

- Вот видишь, какой дом хороший. Я, как вошел в него, так понял, что этот дом меня дожидался, - у Ярослава светились глаза, и я почувствовала, как гордится он своим приобретением.

- Здесь в старые времена жил горшечник. Видишь, печка необычная. У неё высокий свод. Керамику обжигали. Под полом ещё круги гончарные лежат. Я туда заглядывал. Ты чего опять нахмурилась?

Я вспомнила, что в древние времена горшечники считались людьми необычными. Они дружили с огнем и землей. А прежде чем начать свой труд приносили жертвы и воздавали молитвы языческим Богам. Возможно Велесу.

- Интересный дом... , - плечи мои сами собой передернулись.

МЕСТНЫЙ БАННИК.

Прошло время, и Ярослав загорелся мыслью построить в Поповках баню. С другом юности Колей Русаковым они завезли разобранный по бревнышкам сруб и начали мужскую работу – возведение стен на устроенном ранее фундаменте.

Работа спорилась, потому, что Коля Русаков был человеком опытным в делах деревянного зодчества. Он не одну баню построил, не один дом возвел в деревнях Ярославской области. И как истинно русский мужик, он выглядел степенно, несуетливо, мудро, не смотря на свой молодой возраст.

Надобно сказать, что наши ребята были юмористами. Они подшучивали, подтрунивали, друг над другом и дружно, не натяжно, приближались к цели.

Когда баньку подвели под крышу, они почувствовали усталость и, спустившись с высоты, уселись на новое, пахнущее сосновой смолой, крыльцо.

Теплый летний вечер сменил дневную жару. Всё, что жужжало, летало и надоедливо гнусило, вдруг успокоилось. Ребята переглянулись:

- А не пора ли нам отметить доброе дело!? – Ярослав потер руки.

- Давай! – Коля утвердил предложение.

Ярослав сбегал в дом. Принес бутылочку водочки, черного хлебца, нарезанного краюшками. Из пакета вынул шпичок, с мясными прожилками, усыпанный перцем и крупной солью, с приставшим по верху лавровым листочком.

На крыльце постелили газетку, открыли бутылочку и разлили её содержимое в граненые стаканчики.

Только подняли стаканы, чтобы чокнуться, как вдруг страшный грохот потряс баню. Ба-бах! Ярослав в испуге соскочил с крыльца, едва удерживая стакан в руке.

- Коля, что это было?

Коля, человек опытный в таких делах, невозмутимо отвечал:

- Хозяин пришел.

- Какой хозяин? – Спросил Ярослав, с ревностью глядя на Колю.
- Известное дело, какой. Обыкновенный Банник, - Коля пожал плечами, так равнодушно, будто каждый день встречался с этим мистическим существом.
- Понимаешь, сколько раз строил бани, и каждый раз банник не замедлит явиться в новую баню. Он тут хозяин, он сторож, он гонитель нечисти всякой.
- А сам-то он чьих будет?
- Говорю тебе – хозяин. Да к тому же сердитый. Вона как бабахнул, - Коля серьезно глянул на Ярослава, - неси третий стакан. Ярослав поплелся к дому, и возвратился со стаканом.
- Вот, теперь всё правильно, - Коля плеснул в стакан водочки, накрыл его краюхой хлеба, сверху положил кусочек шпика.
- Вот теперь выпьем на троих. За тебя, хозяин, государь Банник. Милости просим к нашему столу, - отвесил поклон Коля кому-то невидимому.

Потом поднял стаканчик, чокнулся со стаканом Банника, после с Ярославом и аккуратно, красиво отпил водочки.

Ребята расслабились после трудов праведных, они смеялись, рассказывая друг другу разные небылицы, а когда стемнело, пошли в дом, на покой.

Утром поднялись поздно. Пошли на ручей за ключевой водой. Колодца в деревне давно уже не было. Развалился, и вода в нем зацвела.

Подходя к дому, встали, чтобы полюбоваться новой банькой. На крыльце её стоял пустой стакан. Хлеба и сала не было. Только хлебные крошки вели в темную глубину бани.

СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

В деревне Поповки сруб колодца сгнил, срубный домик над колодцем совсем развалился, и стало опасно приближаться к бывшему источнику воды, потому как, края его осыпались, и была опасность случаем сгинуть в глубине старой шахты, и пропасть ни *за* что.

В сельской администрации развели руками, мол, денег нет на установку нового колодца, а технику бедный район сам арендует за большие деньги.

Вот тогда Ярослав, собравшись в Антарктиду, поручил жене Гале, обязательно соорудить колодец для всей деревни, для чего оставил

ей свою карточку со всеми причитающимися за командировку денежками.

Да и то сказать, с кого собрать за тот колодец деньги, когда все – то Поповки - пять домов. В четырех из них летом живут дачники, а пятый дом – несчастливый. Его уж не первый год продает безграмотный в делах наследства, внук умершей бабушки, за сущие пустяки – двадцать тысяч деревянных рублей, да всё продать не может. В права наследства не вступил во время - законов не знал. А у нас ведь как, наследник ты вроде по человеческому праву, а по Закону уже и нет, коли сроки твои вышли. Пусть добро пропадет, а наследникам не отдадут. Поздно!

Страна – то у нас большая, а всё кругом ограничено, то сроками, то границами, то положениями, да приказами.

Дом внука умершей бабки - не плохой. Стоит он высоко, имеет все признаки настоящего деревенского жилья: изба срубом, светлая, двор для скотины крытый, пристроена светелка в два окна, по - современному – “сексодром” называется, для молодых гостей, широкие сени, и даже крылечко в три высоких ступеньки есть. Всё, как положено в деревенском доме. И должен бы этот дом принять людей на жительство, чего добру-то пропадать!

Вот только лежит на печи того дома портрет молодой женщины, писанный масляными красками на старом холсте. Портрет, как портрет. Женщина на нём не красавица и не дурнушка, обыкновенная русская, с кудрявыми волосами, видимо перманент сделала специально для художника, что бы привлекательнее выглядеть.

Я вглядывалась в её лицо и всё хотела представить хозяйку дома: кем она была в душе своей, какую жизнь прожила, любила ли страстно, или блюла свою женскую честь, как подобало несчастным работающим бабам того, советского времени, в котором секса нет?

Внук умершей бабки, выжидательно смотрел на меня: куплю я его дом без документов или откажусь от покупки, как это делали уже многие другие?

Я, не отрывалась от лица женщины, всю свою жизнь прожившей и состарившейся в этой избе и ушедшей на погост из своего добротного жилища. В какой-то момент мне показалось, что и она смотрит на меня так же внимательно, будто хочет мысли мои прочитать: быть мне хозяйкой её дома или я откажусь от

выгодного приобретения. Лицо женщины будто ожило, и мне показалось, что по кудряшкам над её лбом пробежал ветерок, и они заволновались. Я положила портрет на стол и протерла глаза тыльной стороной ладоней. Ощувив пыль на подушечках своих пальцев и даже на коже лица, я с силой схлопнула веки, секунды две постояла так, и широко открыла глаза. Надо лбом женщины, в кудряшках её золотистых волос будто выросли два бугорка, как это бывает у недавно рожденных козлят. Я уже не сомневалась, что глаза её наблюдают за мной, и в них прочитывалась неприязнь к человеку, желающему завладеть домом, где поселилась её душа.

Я осторожно взяла со стола портрет, бережно положила его на печку, где он лежал до меня, и отрицательно покачала головой:

- Нет, я не куплю у вас дом.

- Да почему же! - чуть не плача вскричал внук умершей бабки.

Я не хотела говорить истинную причину и сказала то, что пришло на ум:

- У вас нет документов на дом. И ни у кого нет документов на этот дом. Вам его не продать.

Я спустилась по ступенькам крылечка и вышла на волю.

Незаметно перекрестилась:

- Упокой, Господи, её душу! - и пошла к дому моего сына.

Сегодня я приехала с копалями и подругой, чтобы исполнить просьбу сына и поставить колодец. Просьба та настойчивая прилетела из самой Антарктиды, и нельзя было не выполнить её.

Двенадцать бетонных колец лежали вокруг дома и ждали своей участи. Галя, жена Ярослава завезла их, с большим трудом найдя охотников проехать с бетонным грузом по полевой дороге.

Возле старого разрушенного колодца стояли двое молодых парней и их работодатель - худощавый Женя, в выгоревшей красной майке, с застиранной надписью "Босс". Они неспешно переговаривались, время от времени ударяя себя то по лбу, то по затылку, а то по оголенным ладоням рук. Облако гнуса извивалось вокруг новеньких, привлекательно пахнущих свежей кровью и потом, людей.

- Третьего надо, - не глядя на шефа, проговорил Николай, и сплюнул сквозь отверстие в верхней челюсти, где не доставало двух передних зубов.

- Пусть лучше дома проспится! Зачем он здесь нужен! – брезгливо поморщился Илья, с силой ударил себя по лбу, смахивая на землю ещё теплый труп овода, и с неприязнью посмотрел на третьего копаля, который даже сидеть не мог, а уютно пристроился на полу газели Жени – “босса”, свернувшись в клубочек, как кот.

- Ещё раз машину придется гнать! – Жене не нравилась перспектива в ближайшее время возвращаться в деревню, по дороге, которую даже проселочной назвать нельзя – просто колея, наезженная случайными машинами, по заброшенному, когда-то колхозному полю. А до того поля ещё пылить и пылить больше тридцати километров от города по старому асфальту.

Я не стала вступать в разговор профессионалов от лопаты и побрела во двор, где на лавочке дожидалась меня подружка Жеха. Сразу оговорюсь, что Жеха она только для меня и очень близких людей, которые знают её со времен далекой молодости, когда не было ей равных на спортивной лыжне. А так она вполне солидная дама Евгения Егоровна, бывший бухгалтер – ревизор и далекая гроза ярославских советских директоров, многих из которых нынче и в живых – то не осталось.

- Чего делать будем? Копалей - то, похоже, всего двое..., третий ещё со вчерашней пьянки не проспался, - Жеха с тревогой смотрела на меня.

- С Божьей помощью, прорвемся. Пусть двое остаются и копают. Третьего босс в понедельник привезет. Зачем нам здесь пьяный копаль?

- И то, правда... зачем? – Жеха пожала плечами и добавила, - вот мудово – то рыданье...

- Оно и есть, - согласилась я.

Женя – “босс” уехал на своей оранжевой газели, похожей на удлиненную голландскую морковку, и увез пьяненького третьего копаля.

Для жилья ребятам была определена светелка с двумя кроватями. Николаю досталась широкая, двухспальная старинная кровать с соломенным матрасом и такими же соломенными подушками. Другую кровать железную, узкую, почти детскую, с ватным матрасом и перовыми подушками занял Илья. Ребята недолго

пошуршали в светелке, пристраивая свои походные мешки к месту, и вышли к колодцу, неся на плечах самые обыкновенные лопаты.

Я вздохнула вслед работничкам, не веря в то, что вдвоем они что-то могут сделать, и отправилась на кухню готовить обед. Как бы то ни было, а мужиков кормить надо.

В окно постучали. Николай тихо что-то спросил.

- Подожди, я сейчас выйду, - крикнула я ему и выбежала на крыльцо.

- Вы извините, нам бы воды где-нибудь взять. Жарко. Без воды работа не ладится.

- Работа у них не ладится,- проворчала я, - Пойдемте на родник... Сейчас вот только возьму пустые баклажки...

- Жеха, - позвала я, – пойдём с мальчишками на родник.

- Пойдем, пойдём, - Жеха быстро собралась. В глухой деревне и это было развлечением.

Прозрачная, чистая вода родничка, пробившегося из середины высокого глинистого склона, стекала в небольшое углубление, будто в крохотное озерцо. Из него и черпали воду наши поповские жители для питья, готовки пищи, мытья посуды. Вода была очень холодная, вкусная, и мы пили её горстями, не отрываясь от ладоней, а остаточки плескали в лицо, на шею и на руки, и снова припадали к родничку за свежей порцией мягкой, холодной упоительной влаги.

Чаша озерца переполнялась, и ручеек бойко бежал по склону горушки в речку Княгиню. Наша Княгиня, хоть и мелководная, но степенная и важная, как и положено быть княгине.

- А купаться здесь можно? – спросил Илья, вытирая влажной холодной ладонью вспотевший лоб.

- Можно, - ответила Жеха, - только, извините, жопу будет видно.

- Это как?- смущенно спросил Илья.

- Мелко очень. Вон там за поворотом есть местечко поглубже. В прошлом году мы все там купались. Живот в воде, а зад, извините, наружу. Воды не хватает, но зато весело.

- Как лагуна в Шарме, - вспомнила я поездку в Египет.

- Ну, ты скажешь! В Шарме там, если на четвереньки встанешь, тебя всю закроет волной, а тут ... нет, ничего общего с Египтом нет... Но всё – равно хорошо, - примирительно возразила Жеха.

Мы наполнили баклажки водой, оторвались от родника, чтобы идти домой. Ребята молча отобрали у нас груз, а мы с Жехой и не настаивали. Только переглянулись, и вместе подумали одно и то же: хорошие ребята. Так пошли до своей избы, Жеха по пути вспоминала разные разности из прошлогодней деревенской жизни, вызывая скромную, стеснительную улыбку у слушателей. К дому подошли мы уже, как родные.

Обед я приготовила часам к трем. Вышла на крыльцо, позвала ребят. К моему удивлению, они отказались от еды.

- Это ещё почему? – крикнула я им.

- Работать надо..., - Коля ответил тихо, но твердо.

Я пошла на место их работы и встала, пораженная. Абсолютно круглое отверстие глубиной в рост человека было вырыто в слое хорошей вязкой глины. Шириной оно было больше метра. Такое впечатление, будто сюда опустилась летающая тарелка и каким-то неведомым нам, землянам, инструментом образовала эту круглую яму с абсолютно ровными краями – стенками.

- А... а обедать когда? – только и смогла выговорить я.

- Стемнеет, и пообедаем, - так же тихо и твердо ответил Николай. Когда стемнело, и в глубине колодца стало не видно штыка лопаты, наши работнички пришли домой. Уже, выходит, не обедать, а ужинать.

Переодетые в чистые рубашки и штаны, помытые из пятилитровой баклажки, они аккуратно сели за стол, и не спеша, чинно, стали есть то, чем я их потчевала: супешник из курицы, каша гречневая с жареным на шпике луком, бутерброды с колбасой и острым сыром, чай с конфетами.

- Грунт у вас тут интересный - сплошная глина, вязкая, чистая. Из такой глины горшки хорошо лепить, - прервал общее молчание Николай.

- Да здесь и жил горшеня, - вспомнила я рассказ Ярослава, о том, что в подполье дома до сих пор лежит гончарный круг.

- Гончар в деревне человек уважаемый. В древности такие люди жрецами были, - во мне заговорил профессиональный историк. Но

в тот же миг я вспомнила портрет соседки, с завлекалочками вокруг лица и скрытой чертовщинкой в его чертах.

“Надо же, - подумала я, - соседи. Один созидатель, художник, лепщик, другая - деревенская кокетка. Связывало ли их что-нибудь?”

Ребята поблагодарили за обед, и вышли на крыльцо покурить. Я собрала посуду со стола, и принялась её мыть в холодной воде с каплями моющего геля, а Жеха, с присущим ей обстоятельным интересом, вслух обсуждала семейное положение наших новых знакомых.

- Илюха, тот не женатый, но у него невеста есть. На днях заявление в ЗАГС подали. А Коля – то, он женатый, и ребеночку уже два года. Жена его на семь лет старше. Ты, Ирк, смотри, какая тенденция пошла, мужики молодые находят себе баб постарше, да и намного старше – то – на семь лет. Видно молодые-то девки, с голыми пупками, уже нормальным парням намерзели, так они ищут поскромнее, да похозяйственнее.

- Выходит, так. Вон, у меня внук, ещё девятнадцать только стукнуло, а девочка тоже на семь лет его старше, - покручинилась я, - да ещё как за неё горой стоит, она, говорит, хоть и на семь лет меня старше, а выглядит намного моложе меня.

Жеха засмеялась понимающим смехом:

- Молодежь! Утром не поднимешь, вечером не прикладёшь! Они, чего, спят что -ли уже?- любопытничала Жеха.

- А то...

- И ты разрешаешь!?!...- Глаза Жехины сделались строгими, будто она проводила аудит в бухгалтерии.

- А он, моя дорогая, разрешения у бабушки не спросил...

- Вот, вот, работать ещё не научились, деньги зарабатывать не могут, а спать с бабами, это первое дело...

- Давай – ка, лучше спать, - прервала я жехины причитания.

Деревенский воздух сегодняшнего дня отравил наши мозги хорошей порцией кислорода и глаза сами уже закрывались, и головка тянулась к подушечке, и мысли разбегались и становились коротенькими и едва уловимыми.

НОЧНЫЕ ШОРОХИ.

Ночь прошла, можно сказать, спокойно, только под полом что-то всё шуршало, ходило и едва слышно, охало. Я дремотно успокаивала сама себя:

- Мышки, наверное...

Утро, как назло, раздождивилось. Мелко, сыро, противно. Глина, выброшенная из колодца, высилась ржавой горой, скользила под ногами, поливаемая дождем. Ребята понуро опустили головы – работать нельзя. Они прошли к себе в светелку и там притихли.

- Спят, наверное, - предположила Жеха.

- Куда деваться – то, в такую морось не поработаешь, - я это понимала умом, но серчала и на дождь, и на деревню, куда нас занесло, и на копалей, которым подфартило с погодой.

- Ирк, ты ночью ничего не слышала? – Жеха лежала на старинной железной, широкой и высокой кровати, укрывшись ватным одеялом, и выражала блаженство высшей степени.

Я после завтрака мыла посуду в холодной воде, и мне не было так уютно и тепло....

- Нет, ничего не слышала, - схитрила я.

- А мне показалось, что кто-то на дворе ходит... - Жеха буравила меня глазами, как следователь.

- Врешь ты всё, моя подружка! Чаю с вечера напилась, вот он и бродил у тебя в животе!

- Да, ладно... умная больно... образованная, что ли?

- Угу, - упрямылась я.

К полудню дождь немного приустал, и ребята вышли к колодцу. Из окна было видно, как Николай по веревке спустился в глубину вырытой ямы, а Илья встал у края колодца, чтобы поднимать наполненное глиной ведро. Работа вроде бы пошла на лад, но через некоторое время, намокшая глина, отяжелев, оборвала, вытянувшуюся скользкую рыжую веревку. Ребята связали её, и вновь начали работу.

- Работают без передыху, - с удивлением наблюдала за копалями Жеха, переместившись с кровати на стул, стоявший у окна.

- Домой хотят поскорее, чего тут прозябать – то... - плечи мои сами собой передернулись. Мне тоже хотелось домой, в уютную городскую квартиру. Я боялась в деревне клещей, и мне не нравился деревенский интерьер.

Вечером ребята с аппетитом уплетали ужин и довольные, что, не смотря на погоду, углубились на три кольца, потихоньку разговорились.

Мы в подробностях узнали, как родная тетка «кинула» Николая, когда продала квартиру, принадлежащую матери Николая, как он уехал из Подмосковья в Ярославль и на окраинном районе города купил себе скромную комнатуху, как женился на женщине старше себя, как не побрезговал взять её с ребенком, которому уже шестнадцать лет стукнуло. А ещё с доброй улыбкой рассказал, как родился родной мальчик, в котором Николай души не чает. Только вот беда: кризис и негде заработать, поэтому отец двух парней берется за любую работу, чтобы принести в дом деньги, как, и положено настоящему мужчине. Говорил он это всё как – то тихо, интеллигентно, нигде не повысив тона, и мы с Жехой, потом, обсуждая этот вечер, признались, что этот совсем ещё молодой мужчина вызывает невольное уважение.

- А ты заметила, что у него впереди двух зубов не хватает? – спросила меня подруга, сбивая с благостного тона.

- Нынче ведь не каждый драться умеет. А этот постоять за себя может, за любовь, за семью, так полагаю, - пожала плечами я.

Ночь опять была беспокойной. Мне слышались голоса. Мужской приглушенный голос увещевал, и будто легонечко прогонял кого-то, а женский голос резкий и тревожный настойчиво нашептывал:

- «Горшеня! Ты же лучше меня знаешь, что до НЕГО глубина всего семь колец. Докопаются, беда будет! Дай мне сделать ЭТО...»

- «Нет тебе ни моей Яви ни моей Прави! Иди прочь, Ильмара!»

- «Луна уже в силу вошла. Тени сгустились. Кликну Навь. Трех ночей нам хватит...»

Я лежала, боясь шевельнуться, с широко открытыми глазами, ни жива, ни мертва. Мышцы рук и ног сковало так, будто невидимый удав обвился вокруг моего тела, а полная луна строго и властно смотрела на меня сквозь верхнюю половинку стеклянного окна.

- «Послушай, Горшеня! Послушай! Велес просыпается, оживает наш Батюшка!» - так же шепотом, но радостно и с великой надеждой возгласил женский голос.

И в тот же миг из дальнего леса протяжно завыл Волк - одиночка. Волчий скул перешел в лисий лай, а потом зарычало так, будто хозяин дремучего леса проснулся и напомнил о своей могучей власти.

– « Не мешай мне сделать ЭТО! Ведь уже скоро Семь! Аль не ведаешь!?»

Тяжело заворочалась Жеха на высокой кровати, захрипела, застонала, и прокричала тревожно: «Уйди! Уйди! Отпусти!..»

- Женя! Женя! Проснись! – я закричала громко, чтобы разбудить подругу и разогнать нечисть.

Жеха безмятежно открыла глаза:

- Ой, что-то сердце прихватило... Фу! Надо валидольчику взять.

Она, тяжело дыша, стала шариться под подушкой, ища таблетки

- Женя, а кому ты кричала: « Отпусти?» - я села в кровати, сон и так тревожный, прошел окончательно.

- Знаешь, на меня кто-то навалился и стал душить. Тень какая – то.... Ну это, конечно, от сердца. Здесь так много кислорода!

Отравилась, наверное,- доброе расположение духа вернулось к Жехе, она закуталась теплым одеялом, и отвернувшись к стенке, тихонько засвистела носом.

«Уснула», - подумалось мне, я тоже завернула ноги на постель и, прошептав:

- « Деды и Отцы! Пращуры святые! Разбудите Явь, Защитите нас от Нави! Чур, нас! Чур, нас!» , - я ещё и ещё раз повторяла,

придуманнные мною слова, как заклинания, смежала веки,

попыталась уснуть. Сон на мою подушку спустился незаметно, и я проснулась уже, когда в избе хозяйничало солнце.

СЕРЕЖКА-ЭКСКАВАТОР

На утро приехал Женя-босс и привез третьего копаля - Сережу.

Тот проспался от хмеля, и выглядел несколько помятым.

- Коля, а Сергей настроен на работу, как ты думаешь? – мне что-то не нравилась его угрюмость с похмелья.

- Знаете, как его зовут среди нас?- Коля усмехнулся.

- Сергей? - назвала я имя копаля.

- Экскаватор... - хмыкнул Николай, и видно было, что он доволен тем, что третьего копаля всё – таки привезли, - Вы увидите, как он работает, и оцените.

- «Экскаватор» – это интересно, с усмешкой подумала я и увидела, что к крайнему дому деревни подъехала ещё машина - УАЗик - собственность психобольницы. Водила машины, Слава, человек огромного роста с большим животом и голым торсом, не спеша, подошел к нам, выражая солидность всем своим богатырским видом. Он владел крайним в деревне домом, и видно было, как ему хотелось поучаствовать в постройке колодца. Вот только грязную работу он не любил. Все-таки, как - никак, а в медицинском учреждении работал, потому, положение обязывало соблюдать «высокий» статус, и элементарные правила гигиены. Наклонившись над отверстием будущего колодца, Слава с любопытством стал рассматривать вырытую колодезную шахту, почему – то с опаской держась за собственные помочи. Шахта солидно и независимо темнела четырехметровой глубиной, и внушала нешуточную робость.

Сережа – Экскаватор, всё ещё хмурясь, коротко и со знанием дела, произнес:

- Тренога где?

Треноги не было. Слава обрадовался, что тут-то он и может свою лепту внести.

- Пошли ко мне, ребята, сейчас на машине привезем из леса три сосенки, что под ЛЭПой растут. Их всё равно должны спилить по осени.

Вернулись наши мастера быстро. Три сосны, уныло лежавшие в УАЗике, были обработаны топором, и представляли собой уже бревнышки. Их поставили вокруг вырытой ямы, закрепили вверху крепкой веревкой, как вигвам, подвесили таль и ворот, сработанный из велосипедного колеса, и работа закипела.

Женя-босс уехал, Слава, как самый солидный из мужиков, остался блюсти порядок на строй площадке.

Сергей на самом деле работал, как экскаватор. Двое парней наверху едва успевали поднимать ведра. Одно поднимали, другое тут же опускали. Пока выскребут глину из ведра, Сергей уже кричит: «Вира!». Дело пошло весело. Колодец углублялся с быстротой работы Экскаватора. В полдень впервые согласились пообедать. За столом решили: пора опускать кольца, глубина колодца была уже около семи метров.

- Семь метров? Ага..., - протянула я, унимая мелкую противную дрожь во всем теле, как последствия ночных страхов.

После обеда опустили три кольца с помощью тали и Сережа – Экскаватор полез на дно колодца, предварительно скинув туда страховочную веревку.

- Что, Сережа, так опасно?- с тревогой спросила я.
- Страховка нужна обязательно, - небрежно пояснил он, - Чтобы сразу выскочить, как вода ударит.

Чувство опасности поселилось в душе после беспокойной ночи. В ушах стоял заговорщический голос невидимой женщины и цифра СЕМЬ.

Вдали проснулась кукушка:

- Семь, семь, семь, - будто повторяла она.
- Фу, ты, нечистая сила! Что же мне всё чего-то чудится! Чур, меня!- пробормотала я вполголоса, но никто не обратил внимание на моё ворчание.

Вода в колодце уже доходила Сереже почти до колен, но это был слив от тонких поверхностных жилок, которые сочились по всей окружности глиняной шахты и мутными струйками стекали вниз. А нам нужно было докопаться до ключевой, подземной воды. И Экскаватор копал, честно зарабатывая свои денежки. Тяжеленные ведра одно за другим споро поднимались вверх. Парни опоражничали их и то и дело вытирали пот с лица, отпивая из пятилитровой баклажки по маленькому глотку воды. Довольная их работой, я ушла в дом.

СЕМЬ КОЛЕЦ

Прошло немного времени, я, глянув в окно, увидела, что происходит какая-то заминка в работе копалей.

- Что у вас тут? – спросила я, выходя на крыльцо дома.
- Гряда каменная, – ответил Николай, - вон, сколько камней мы вынули. Большие на баню пойдут в парилку, - по-хозяйски распорядился он, - а малые в сторону выкидываем. Да Сережка ещё лопату сломал. Попросил лом.

Я чувствовала какую – то неловкость перед ребятами. Видела, как тяжело им дается копка.

Над поверхностью колодца показалась голова Сергея:

- Руку дай, - крикнул Илье. Тот рванул Сергея за руку и вытащил наверх.

- Чего там?- бросив Сергею сухую ситцевую тряпицу, с тревогой и любопытством спросила я.

Сергей, отерев насухо лицо, отбросил тряпицу в сторону и задумчиво нахмурился.

- Гряда каменная, Сережа, да?- опережая Экскаватора, нетерпеливо спросила я.

- Гряда каменная – полбеды. Камень там. Валун. Большой, гад, и лежит так, что кольца одним боком стоят на нём, а другим боком накренились и уходят вниз. Скособочились, в общем.

- А камень тот большой?- меня разобрало любопытство.

- По моим прикидкам, если его вытащить, то будет хорошим столом для выпивки.

- Сережа, ты меряешь такими категориями..., - я покачала головой..

- Правду говорю..., - усаживаясь на корточки, всё ещё хмурился Экскаватор.

Мы стояли, переглядываясь, и молчали.

- Пусть хозяйка решает, что делать...- Экскаватор решительно опустил на землю, будто говоря: «Баста...!»

- А сколько хоть вырыли-то? Глубина-то какая?...- я робко спросила, даже не ожидая ответа...

- Семь колец положили, - твердо сказал Сергей и повторил, - семь!

- Семь, семь. Семь, - закуковала кукушка далеко в лесу....

Мне сделалось жутко.

- Так! Сейчас уже поздно, ребята. Давайте поужинаем и спать. А завтра решим, что делать. Утро вечера мудренее.

ВЕСЕЛЫЙ УЖИН.

Ужинать уселись одни мужики. Мы с Жехой примостились каждая на своей кровати. Стол был накрыт, и работнички сами себе накладывали утрешний супешник, кашу, и сами разливали чай. Сергей споро работал ложкой, так добросовестно, как копал колодец.

- Не чавкай! – Николай погрозил своей ложкой.

- Так вкусно давно не ел! – Серега откровенно признался и неожиданно сделал заявление:

- С водярой завязывать надо.
- Тебе давно говорю, а ты всё туда же..., - Николаю понравилось заявление Сергея.
- Сережка, пить бросишь, мы тебе невесту хорошую найдем, умную, красивую..., - Жеха с улыбкой смотрела на стриженного, похожего на беспризорника, Экскаватора.
- Не надо мне ни умную, ни красивую... Вот хозяйственную, чтобы готовить умела... Я поесть люблю, - Сергей наворачивал кашу с хлебом.
- Ой, ребята, а у нас хлеб последний. Надо домой звонить, - я забеспокоилась, - на утро я блинов напеку, а на обед надо, чтобы хлеб был.

Моё заявление о том, что кончается хлеб, никто почему – то не заметил. Да и то, правда: не мужское это дело – стол накрывать. Еда - забота бабская.

Николай улыбнулся одними уголками губ:

- Сережка, слушай, чего расскажу, вот сидят муж с женой за столом, обедают. Муж - ложкой по лбу жене - со всего маху, как стукнет! Она ему: «Чего дерешься!?» А он так спокойно отвечает: «Сколько раз говорил – не чавкай». Она усекла, ест, молчит, не чавкает. Муж раз ей опять по лбу ложкой. Она ему с обидой: «Чего ты... Я уже не чавкаю...» А он ей: «Как вспомню, так зло берет!» И после этого безобидного анекдота нас с Жехой, как прорвало. Мы закатились таким громким смехом, что парни, не ожидая от нас такой реакции, засмеялись громче нашего. Всем сделалось весело...

Коля осмелел и продолжил:

- Учительница дала задание школьникам, принести на урок животных, которые умеют разговаривать по – человечески. Кто-то принес говорящего скворца, кто-то ворону, кто-то попугая, а Вовочка принес лягушку. Учительница в недоумении:
- «Зачем же ты, Вовочка, принес лягушку? Ведь всем известно, что лягушки не умеют говорить по-человечьи».
- «Не скажите, Марьяванна».
- Вовочка раз, по лбу лягушке щелчка! Лягушка:
- «Ква!»,
- Вовочка – ещё раз по лбу лягушке щелчка. Она:

- «Ква-а...!»,

Вовочка в третий раз по лбу лягушке щелчка. Она:

- «Ква-тит!!!.... На - куй!»

Тут мы уже так закатились, что я забоялась описать.

Мальчишкам сильно понравилось, что они нас так рассмешили. Тогда Сергей – Экскаватор, который в своей пьяной и несытой жизни никогда, видимо, не был центром внимания, вдруг многозначительно произнес:

- Две пиявки...

Не закончив мысли, он сделал паузу. И тут мы опять разразились раскатом самого чистого и детского смеха, чем удивили несказанно этих молодых, уставших ребят... Всем сделалось просто хорошо, по-детски весело и они уже смеялись на то, что мы смеемся....

А Сергей невозмутимо продолжил о пиявках: «Одна другой звонит: «Я тебя не оторвала?». Грохот смеха потряс нашу избу. И этот смех был какой-то необыкновенный. Действительно, так смеются только в детстве: беззаботно и искренне.

Мальчишки ушли к себе в светлицу. Я стала мыть посуду, а Жеха всё ещё повторяла выдержки из анекдотов и мы продолжали смеяться.

Ночью я проснулась от того, что строго кому-то выговаривала:

- «Ква – тит! На - куй!» И этот кто-то ретировался. А я громко смеялась вслух! Проснулась Жеха:

- Ты чего ржёшь?

- Я кому-то сказала: «Ква – тит, на - куй!»

И мы обе захохотали громко и бесстыдно. Это было, как заклинание против сил зла... Мы смеялись, спутав Ночь и Явь, и казалось, что стены расступились и всё, что было рядом, смеялось с нами. Светлой, внутренней добротой было заполнено ощущение всего нашего деревенского существования! И невидимая, чистая и прозрачная сфера, поднимаясь к потолку до самой пятицы, обволакивала нас, придавая нам чувство защищенности. Мы продолжали хохотать, громко, неостановимо. И этот чистый искренний смех прогонял нечисть - древнюю Навь. Это был факт! Потому, что мы это явно чувствовали!

СНОВА КОЛЯ РУСАКОВ

А утром пришло решение.

Я позвонила Коле Русакову – попросила приехать к нам, привезти хлеба и дать совет, как нам быть дальше с колодцем. Коля на своей иномарке прилетел, как на самолете. Он, успешный предприниматель, и надежный друг моего сына, привез хлеба, курева мальчишкам, огурцов со своего огорода нам с Жехой. Долго и серьезно осматривал фронт работы. Ребята с уважением ждали решения.

Коля четко разъяснил им задачу: под камень подкопаться. Если можно будет его подцепить, то поднять наверх. Если не будет такой возможности, то сделать так, чтобы валун лёг в середину кольца.

- Работайте, парни, работайте!

Он уехал, а ребята опять взялись за лопату.

За ночь воды в колодце прибыло так, что Сережа – Экскаватор натянул свои шикарные резиновые сапоги – штаны, доходившие ему до самых подмышек, а может, и выше. Спрыгнул вниз, держась за страховку.

- Ставьте насосы! – приказал он, - оба сразу, а то до дна не достаю.

Поставили насосы, вода стала отступать. Сергей врубался в грунт и копал без устали. И тут пошел песок. Я обрадовалась, что работа немного облегчилась, и ушла в дом. Через час Николай постучал в окно. Я выбежала на крыльцо:

- Что случилось?

- Весть радостная. Ключи забили. Два сразу...

Я заторопилась к колодцу. На поверхности воды кругами расходились два ключа. А в сторонке ещё один!

- Коля! Ты видишь! Ещё один, третий ключик! – я просто ликовала. Николай улыбался, Илья тоже. И в этот миг Сергей закричал:

- Камень обрушился!

Сердце моё ёкнуло:

- Сережа! Тебя не придавило!? – закричала я в глубину колодца.

- Меня хрен придавишь! - с какой – то залихватской гордостью ответил Экскаватор и крикнул, - Поднимайте меня!

- Какой он, этот камень!?, Сережа...- кричала я в глубину, а эхо отражало мои слова от стенок колодца.

- Он треугольный, а верхний угол сглажен.
- Пирамида!?
- Похоже!- отозвался Сергей.
- Сережа! Ты настоящий Экскаватор!
- Ещё бы!..- с гордостью проговорила его голова, поднявшаяся уже над уровнем земли.

БОГ ВАЛУ.

Валун, который нам был подарен матушкой – землей, Светлой Макошью, оказался не то чтобы капризным, но своенравным точно. Если коротко, то возились ребята с этим камнем ещё полтора дня.

На ум мне лезли те скудные знания, которыми я владела, когда-то небрежно прочтя «Велесову книгу» и ещё другие древние «веды», которые засели в мозгу необычно острыми глаголами и странными фактами и вдруг выплыли, не давая покоя, когда я столкнулась с самой настоящей необъяснимой стариной.

А камень не хотел идти наверх к людям. Серёжа – Экскаватор, стоя по пояс в ледяной воде, обвязывал его металлическим тросом, зацеплял талью и выпрыгивал с десятиметровой глубины наверх, а потом руководил подъемом тяжелого груза вверх. Цепи скрипели, путались, дергались. Таль едва выдерживала предельную нагрузку. Трижды камень срывался и всё на одной и той же высоте.

Достигнув этой метки, Сергей замирал и поднимал руку вверх, призывая к сверх осторожному вниманию:

- Сейчас наступает момент соскочивания...- тихо, затаенно, но торжественно объявлял он.

После этих слов камень, как живой, понимая свой момент «соскочивания», срывался вниз, поднимая каскад брызг.

Я не выдержала:

- Пойду в дом, может женщине тут нельзя быть. Камень какой-то загадочный.

Через некоторое время я услышала страшный гул, будто земля поколебалась. Я выбежала из дома. Ребята стояли понурые.

Сережка обхватил голову руками, будто пропустил последний уходящий поезд, на который он никогда в жизни больше не успеет. Видеть его отчаяние не было сил.

Тихо и скорбно заговорил Николай:

- Понимаете, мы его уже подняли вверх, только зацепили крючком за цепь, чтобы подтащить к земле, а он, как сорвется!- Николай помолчал, и мне показалось, что он сглотнул подступившие слезы.

- Оборвал цепь и вместе с цепью ушел вниз. С десяти метровой высоты спрыгнул! Земля загудела, будто землетрясение началось. А Славина машина подпрыгнула на рессорах так, будто её земля отторгла.

Я не знала, как утешить этих настоящих совестливых и старательных парней.

ДРУЗЬЯ!

В сумерках прохладного и неудачливого вечера вдруг засветились фары подъезжавшей к нам машины, из которой со счастливым шумом вывалились наши друзья. Лена Мазур, Ленчик Буров и ещё одна симпатичная и толковая девочка Наташа, которая в свете фар, не ведая полевой дороги, отважно вела свою машину к нам в Поповки.

- Господи! Вы-то хоть откуда свалились!? – Жеха была удивлена, обрадована, глаза её засияли.

- Ленчику Коля Русаков сказал, а Ленчик мне, что вы тут без еды погибаете, и без хлеба, а колодец ещё не выкопали! – Лена Мазур говорила и по хозяйски потрошила привезенные сумки с продуктами, заполняя старый холодильник.

Я навела полные до краев кружки горячего растворимого кофе, нарезала бутербродов с колбасой и вынесла ребятам на уличный стол.

- Сережа, - позвала я тихонечко, - на-ка кофейку горяченького хлебни.

Сережка повернулся ко мне лицом, и я увидела, как дрожат его руки, и с усилием ходят желваки, чтобы не расплакаться. Я стянула с себя вязаный шерстяной платок и накинула на его холодную спину. А он дрожащими от холода и волнения сегодняшнего дня пальцами, обхватил керамическую кружку, глотнул горячей сладкой жидкости и закрыл глаза от усталости, удовольствия и просто от тяжести нашей жизни.

- А я вот вам чего расскажу, ребята, - чтобы приободрить мальчишек, начала я сумбурный и неправдоподобный рассказ, -

Вы пейте кофе, грейтесь, не грустите, что не вытащили камень на поверхность. Ребята, камень не хочет идти на землю. Он, может, тысячу лет пролежал здесь со времен борьбы с язычеством, а может ещё больше, может, его принесло с севера ледником, где жило загадочное племя чудь. Этому камню поклонялись, приносили жертвы, чтили, как Бога. А тут, будут на нем мужики алкоголь распивать, как сказал Сережка, - я потрепала его бритую голову, - оставьте этот жертвенник там, где он лежит сейчас. Подумайте, какой он умный, сколько раз срывался с высоты, но ни разу не разрушил кольца. Всё время ложился в середину. Это он нам давал знак, что не враг нам, а наоборот, помощник во всех добрых делах. Только и мы должны его уважить. Представьте теперь графический рисунок: треугольный камень в центре кольца. Это загадка нам на многие годы. Было бы светло, я бы нарисовала вам его положение.

- Ну, вы даете...- кто-то ахнул в темноте.

- А вообще – то камень - валун это Бог Валу или позднее Бог Велес, который укрыл в себе воду, и если обратиться к нему с молитвой, то он отдаст людям и добро, и святую воду, и пламя, очищающее мир, и талант поэзии, и ведические знания. Только сейчас нет таких человек, кто бы с благодарностью принял всё это и захотел бы принять и поведать миру те знания.

- Ты наговоришь сейчас, матушка, так и ведуньи появятся и жрецы, и Бог знает чего...- это Жеха вышла посмотреть, как двигается работа.

Лена с Ленчиком заторопились в город. Потом уже они рассказывали, как по дороге в свете всё тех же фар, им встретился бобер, и, не боясь людей, как долго и громко ни подавала сигналы ему добрая Наташа, долго не уступал им дорогу.

ДОМИК НАД КОЛОДЦЕМ

На другой день ребятам оставалось поставить ещё три кольца. А они вдруг заторопились за земляничкой в лес, стоявший стеной прямо за домом.

Из леса возвратились с банками, наполненными сладкой, ароматной ягодой.

- Можно, нам в ваш холодильник ягоды поставить? – спросил Николай, и добавил, - деткам надо привезти вкусенького.

- Конечно, Коля.

Мне сделалось грустно. Я привыкла к этим надежным, сильным, работающим парням, а сегодня, вероятно, надо будет расставаться.

За мной и Жехой приехал внук Сережа на «Волге», а к вечеру появился Женя – босс, привез домик для колодца. Мы все вместе сгрузили части будущего колодца, и стали собирать крышу, и навешивать ворот. И тут разразился такой дождь!

- Накаркала! – Жеха посеменила в дом.

Поливаемые нивесть откуда взявшимся ливнем, ребята всё – таки установили последние бетонные кольца в шахту, и водрузили «домик» над колодцем.

Получив деньги за работу, копаля засели в оранжевой «морковке» Жени – босса, пережидая дождь.

Надо сказать к чести соседа Славы – хозяина УАЗика, он всё так же держась за помочи и, не замечая ни укусов деревенского гнуса, ни потоков воды, беспрестанно льющейся с неба, заявил, что не уснет, а будет ждать наших сотовых сигналов. И если потребуется помощь, если мы вдруг застрянем, то его УАЗик не подкачает и обязательно придет к нам на помощь на раздолбанной полевой дороге, размокшей под ночным ливнем.

- Так что, счастливого пути!- Слава кивнул нам важно, будто благословлял в далекое и опасное путешествие.

Как только мы выехали с луговой дороги на асфальт, дождь прекратился. Мы подали сигнал Славе, что, мол, всё в порядке, и покатали по ровному асфальту к благам ярославской цивилизации, оставив позади оранжевую машинку Жени-босса. «Камень устроился на новом месте, или души ведуньи и жреца, что охраняют тот камень, успокоились, кто знает...» - подумала я и задремала в теплой машине.

Теперь можно Ярославу в Антарктиду писать, что задание его выполнено.

Рядом храпела Жеха, высоко выводя рулады. Было уже два часа ночи.

ЭПИЛОГ

После возвращения из Антарктиды, Ярослав взял пробу воды из колодца и отнес в лабораторию. Анализ показал, что вода содержит

необходимые человеческому организму минералы в достаточном количестве и чиста от болезнетворных микробов.
А я и не сомневалась! Бог Валу добром отвечает на добро.

Лето 2009 года